

Объектом исследования Айны Урдзе (Бремен) послужила группа глаголов со значением звукоизвлечения в латышском языке. Эта группа глаголов, условно названная в работе «глаголы шума» (Geräuschverben), интересна тем, что, образуя естественный семантический класс, она отчетливо выделяется с формальной точки зрения – отличительной чертой этой группы глаголов является особый консонантный кластер на конце корня, нехарактерный в целом для латышской глагольной лексики. В этом плане латышский материал представляет собой очень удобное поле для лексико-семантических исследований, тем более что описываемая группа глаголов достаточно многочисленна – 256 глагольных корней и более 1000 глагольных лексем, по данным А. Урдзе.

Основной задачей работы было выделение отчетливых формальных характеристик исследуемого класса глаголов и проверка гипотезы о том, что группа глаголов, выделяемых на основании формальных критериев, действительно однородна с семантической точки зрения – в частности, что она образует компактную подгруппу внутри более обширной зоны глагольной лексики, связанной со звукоизвлечением.

Важная особенность данной работы состоит в том, что ее, безусловно, можно назвать типологически ориентированной. Хорошо известен следующий парадокс: данные крупных, «доступных» языков, в том числе многих

языков Европы, часто оказываются гораздо менее известны неспециалисту-типологу, чем данные малых экзотических языков, подробно описанных в современных терминах. Для такой «традиционной» области, как лексическая семантика, эта трудность особенно очевидна. В частности, не столь уж малочисленные предшествующие исследования по глаголам с семантикой звукоизвлечения в латышском языке, упоминаемые в книге А. Урдзе, доступны только очень узкому кругу балтистов хотя бы потому, что написаны в основном по-латышски, реже по-русски и опубликованы в маргинальных латвийских изданиях. Работа А. Урдзе, лингвиста-типолога (ср., например, типологическое исследование по комитативам [Stolz et al. 2006], одним из авторов которого является А. Урдзе), ориентирована на значительно более широкий круг лингвистов и не требует от читателя предварительного знакомства с системой латышского языка и принятой в балтистике специальной терминологией. Так, глава, посвященная фонетическим особенностям глаголов шума, содержит специальный раздел с обзором латышской фонологической системы в целом (2.1) и даже отдельный небольшой раздел (2.2) о латышской орфографии. Глава, посвященная морфологическим особенностям глаголов шума, содержит подробное описание словоизменительных категорий латышского глагола (4.1.2) и глагольного словообразования

(4.2). Автор, наряду с традиционной латышской орфографией, использует и транскрипцию на основе международного фонетического алфавита. Примеры, приводимые в работе, сопровождаются не только переводом, но и поморфемным глоссированием. Предпринятое, таким образом, введение представленных в работе данных в типологический контекст кажется особенно важным в свете растущего интереса лингвистов разных школ к лексической типологии: ср., например, работы [Майсак, Рахилина 2004] по типологии глаголов плаванья, [Wierzbicka 2007] по типологии названий частей тела, [Majid et al. 2010] по типологии глаголов деления на части, сборник по общим проблемам лексической типологии [Vanhove 2008], обзор [Evans 2010] и ряд других. Сам автор, не претендуя в рамках данного исследования на типологические обобщения, приводит, тем не менее, сопоставительные данные по глаголам с семантикой звукоизвлечения в близкородственном латышскому литовском языке и ареально близком эстонском (глава 7).

Интересна работа также с методологической точки зрения. Корпус глаголов шума, собранный автором по данным восьми словарей и (в качестве вспомогательного источника) текстов художественной литературы, насчитывает 256 глагольных корней и около 1200 глагольных лексем (как непроизводных, так и производных), всего в корпусе около 1600 единиц, включая отглагольные наречия и существительные. Благодаря тому, что объем анализируемого материала достаточно велик, у автора есть возможность приводить не только качественные, но и количественные оценки. В работе можно найти множество численных данных по самым разным вопросам, касающимся формальной и семантической характеристики глаголов шума: по частотности определенных фонем в глаголах шума, по принадлежности глаголов шума к тому или иному словоизменительному классу, по продуктивности той или иной деривационной морфемы с глаголами шума, по лексической сочетаемости глаголов и т.д. Помимо собственно данных по глаголам шума, автор в большинстве случаев приводит также сопоставительные численные данные по глагольной лексике в целом, специально собранные им дополнительно для данного исследования. Возможно, полезной была бы и дальнейшая математическая (статистическая) обработка представленного автором массива численных данных.

В первой, вводной, главе книги формулируются основные задачи и методы работы, приводится обзор литературы по проблематике идеофонов и по семантике глаголов со значением звукоизвлечения в латышском языке. В

этой же главе формулируется в общем виде формальный критерий отнесения глагола к группе глаголов шума (в последующих главах она поясняется и уточняется) – наличие в финальной части корневого слога консонантной последовательности одного из следующих трех типов: а) [k] + [st]/[ʃc] (*čūkstēt* ‘шипеть’, *tinkšķēt* ‘звенеть, дребезжать’), б) [p] + [st]/[ʃc] (*čiepstēt* ‘пищать’), в) некоторые случаи $\emptyset$ + [st]/[ʃc], для которых постулируется выпадение начального [k] (*krimsšķēt* ‘щелкать’ < **krimksšķēt*).

Главы 2 и 3 посвящены фонетическим особенностям глаголов шума. В главе 2 рассматривается корневая часть глагола, за исключением кластера [st]/[ʃc]. Проблемы, связанные с фонетической характеристикой и морфологическим статусом кластера [st]/[ʃc], являющегося ключевым формальным признаком глаголов шума, вынесены в отдельную главу 3. Общий вывод главы 2 состоит в том, что уникальных, по сравнению с остальными латышскими корнями, особенностей в корневой части глаголов шума не отмечается. Тем не менее, подробный сопоставительный анализ позволяет автору сделать несколько нетривиальных наблюдений по поводу неочевидных фонетических особенностей глаголов шума. Так, автор устанавливает, что в глаголах шума встречается редкий для латышского языка дифтонг [iu], который за пределами этой группы глаголов зафиксирован только в междометиях (п. 2.3.1.2). А. Урдзе объясняет эту особенность близостью глаголов шума и междометий как части экспрессивного пласта лексики. Среди особенностей инициали корневого слога отмечается, во-первых, больший процент палатальных и преналатальных согласных, чем в среднем в латышской лексике, во-вторых, больший процент консонантных кластеров (два, реже три согласных) (2.3.2). Оба факта автор объясняет общей тенденцией к большей формальной маркированности экспрессивной лексики, к которой можно отнести и группу глаголов шума. Коду корневого слога глагола шума, как показано выше, может составлять только два согласных: взрывные [k] и [p]. Приводимые в работе подсчеты указывают на значительно большую частотность согласного [k] в данной позиции. А. Урдзе объясняет эту асимметрию, с одной стороны, тенденцией к диссимиляции с инициальной корневого слога, а с другой стороны, семантическими факторами (группа глаголов на -р оказывается семантически однородной). Также автор обнаруживает немногочисленную группу исключений на -т (4 % от всех корней группы глаголов шума), с очевидностью объясняемых тенденцией к диссимиляции (финаль [t] встречается в корнях с инициальной [k]). Помимо тенденции к прогрессивной ассимиляции, наблюдаемой в

данном случае, автор постулирует для глаголов шума также тенденцию к регрессивной ассимиляции инициали корневого слога с финальным консонантным кластером [st]/[ʃc], которой объясняется, по мнению А. Урдзе, асимметрия в частотности консонантных сочетаний в инициали корневого слога глаголов шума и в целом по латышской лексике (п. 2.3.2.2). В разделе 2.4 приводятся также некоторые данные по супraseгментным фонетическим особенностям группы глаголов шума.

Глава 3 посвящена консонантному кластеру [st]/[ʃc], являющемуся характерной формальной особенностью группы глаголов шума. Подробно обсуждается его морфологический статус. Приводятся различные аргументы в пользу того, чтобы считать его частью корня, интерфиксом или деривационным суффиксом, как предлагалось разными исследователями. Статус кластера [st]/[ʃc] последовательно оценивается по 10 параметрам, предлагавшимся в морфологических работах в качестве критериев аффиксальности. В результате автор приходит к выводу, что – по крайней мере на синхронном уровне – следует отнести рассматриваемый кластер к «серой зоне», промежуточной между прототипическим аффиксом и частью корня. При этом в книге приводятся диахронические и сопоставительные данные из литовского языка, свидетельствующие о том, что на более раннем этапе развития латышского языка данный кластер, возможно, являлся полноценной морфемой.

В главе 3 также рассматриваются случаи, когда консонантная последовательность [k]/[p] + [st]/[ʃc] в глаголе не несет семантики звукоизвлечения. Группа таких глаголов оказывается, по подсчетам А. Урдзе, не настолько многочисленной, чтобы поставить под сомнение общую тенденцию к ассоциации данного кластера с семантически однородной группой, но, тем не менее, достойной специального рассмотрения – около 15%. Автор показывает, что рассматриваемые случаи разбиваются на два класса: первый составляют отыменные глаголы, в которых соответствующий кластер «наследуется» у производящей именной основы (*auksts* 'холодный' > *aukstēt* 'простыть'); второй, более «проблемный», класс составляют непроизводные глаголы с незвуковой семантикой, которые при этом формально отличаются от глаголов шума принадлежностью к другому словоизменительному классу (*bakstīt* 'прокалывать, ковырять').

Отдельный раздел (3.4.4.2) посвящен распределению вариантов консонантного кластера [st] и [ʃc]. Как показывается в работе, оно не подчиняется очевидному семантическому, морфологическому или фонетическому пра-

вилу. Тем не менее, рассмотрение полного массива соответствующих глагольных корней позволяет автору выявить статистическую зависимость между вариантом консонантного кластера и начальным согласным корня: для корней с непалатальным начальным согласным частотнее оказывается палатальный ([ʃc]) вариант консонантного кластера и наоборот.

В главе 4 рассматриваются морфологические особенности глаголов шума. В разделе 4.1 автор показывает, что глаголы шума сосредоточены в двух не самых малочисленных, но и не самых крупных словоизменительных классах из восьми выделяемых в латышском языке, в одном из которых они составляют, по приводимым в работе подсчетам, больше половины всех глаголов.

Раздел 4.2 посвящен деривационным возможностям глаголов шума. Он содержит подробные данные (в том числе количественные) по сочетаемости глаголов шума с различными деривационными показателями и возможностям их комбинации. Некоторые наблюдения сопровождаются интересными семантическими интерпретациями. В частности, в этом разделе подробно описаны сочетаемостные возможности каузативного суффикса *-in* для группы глаголов шума. Рассматриваемый автором материал особенно интересен в типологическом аспекте, поскольку возможность и способ совместного выражения каузатора шума и источника шума для разных ситуаций звукоизвлечения является, как кажется, важным параметром типологического варьирования: ср., например, описание диатезы типа *страницы шелестят* vs. *библиотекарь шелестит страницами* в русском языке в [Падучева 1998] и описание возможностей лабильного употребления глаголов шума в английском языке в [Levin et al. 1997]. Одна из интересных асимметрий, выявленная автором в этой области, касается распределения каузативного и итеративного значений суффикса *-in* в сочетании с глаголами шума. Основное значение суффикса *-in* в латышском каузативное, при некоторых глаголах он дает каузативно-итеративное значение 'заставлять делать многократно' и итеративное значение, в редких случаях только итеративное значение (11 таких случаев зафиксировано, в частности, среди глаголов шума). Наблюдение А. Урдзе состоит в том, что все глаголы шума, для которых запрещено каузативное значение суффикса *-in*, принадлежат к группе глаголов с одушевленным субъектом. Еще одно интересное наблюдение связано с немногочисленной группой глаголов шума на *-in*, не имеющих некаузативной пары. А. Урдзе замечает, что все эти глаголы обозначают чавкающие звуки, и связывает их дефектность с выделенной ролью

каузатора звука-человека и подчиненной ролью источника звука части тела в описываемой ситуации.

В разделе 4.2 также подробно рассматриваются дериваты от глаголов шума с пространственными приставками. Как показывает автор, большинство сочетаний с приставками дает для глаголов шума непространственные значения, связанные с характером протекания ситуации, характерные в целом для соответствующей приставки. Тем не менее, для некоторых глаголов отмечаются приставочные употребления в значении 'двигаться в соответствующем направлении, издавая звук' (об аналогичных употреблениях дериватов на *про-* от глаголов с семантикой звукопроизводства в русском языке см. [Кронгауз 1998]). А. Урдзе отмечает, что такие употребления возможны только для глаголов с неодушевленным источником звука, когда звук возникает при соответствующем движении: например, 'шуметь (о реке)', 'тархтеть (о транспортных средствах)'.

В том же разделе рассматриваются именные и наречные образования от глаголов шума. Обсуждается вопрос о словообразовательных связях данной группы глаголов с большой группой междометий, формально и семантически схожих с соответствующими глаголами.

Если в главе 4 семантические особенности глаголов шума рассматриваются только в связи с их деривационными возможностями, то глава 5 полностью посвящена семантике глаголов шума. В книге проанализировано значение около 300 непроизводных глаголов шума. Однако, добиваясь такого широкого охвата материала, автор неизбежно идет на некоторые жертвы с точки зрения глубины анализа. А. Урдзе работает не непосредственно с данными текстовых употреблений, а с опосредованными данными по семантике глаголов шума, взятыми из словарей: в работе использованы два толковых словаря латышского языка и латышский словарь синонимов. Рассматриваемые глаголы расклассифицированы с точки зрения а) характера обозначаемого звука, б) источников звука, в) ситуаций, сопровождаемых звуком. Противопоставления по характеру звука, включенные в рассмотрение, изначально основаны на общей классификации звуков, предложенной в [Lehmann 2004] (с опорой скорее на физическую, чем на языковую реальность), и включают два типа параметров: 1) громкость / интенсивность, тембр, периодичность (тон – шум); 2) длительность, повторяемость импульсов. По каждому из параметров автор находит информацию в соответствующих словарных статьях, а затем модифицирует классификацию и выявляет набор релевантных значений каждого параметра в соответствии с

эмпирическими данными. Для параметра «повторяемость импульсов» в латышском языке оказывается релевантным противопоставление ритмичного vs. неравномерного повторения звука. Параметр «громкость / интенсивность» получает целых четыре значения: тихий, приглушенный, громкий, переменной громкости. Такие физические параметры, как тембр, высота, периодичность звука в свете языковых данных оказывается удобным объединить в один общий параметр, принимающий 19 различных значений. Анализируя свойства источника звука, описываемые в словарных статьях, автор выясняет, что для некоторых глаголов принципиальным оказывается материал источника звука (9 значений: жидкость, стекло, металл и др.), другие связаны с конкретным объектом или классом объектов (приборы, насекомые, люди, ветер и др.), для третьих важна определенная характеристика объекта (большой, сухой, тяжелый и др.). С точки зрения ситуаций, сопровождаемых звуком, автор выделяет 4 группы случаев: случай, когда звук связан а) с «базовыми ситуациями», не зависящими от характеристик конкретного субъекта (движение, соприкосновение, удар), б) «конкретными ситуациями», сопряженными с определенными свойствами субъекта (горение, взрыв, течение и др.), в) коммуникацией человека / животных, в) прочие случаи. Данные по всем рассматриваемым глаголам объединены в сводную таблицу. Выявлены наиболее частотные значения для каждого параметра. Одним из интересных результатов, обсуждаемых автором, является тот факт, что среди наиболее частых источников звука для глаголов шума оказывается *жидкость*, тогда как среди ситуаций, сопровождающихся звуком, ожидаемая ситуация *течь* занимает одно из последних мест по частотности. Специальный подсчет показывает, что глаголы шума обнаруживают тенденцию к выражению звука от удара воды, но не звука текущей воды (ср. *pakšķēt* 'канать', *klunkšķēt* 'булькать').

Данные по глаголам шума далее сравниваются с данными по другим глаголам с семантикой звукоизвлечения. Для этого автором использован материал из исследования [Муране 1998], посвященного семантике глаголов звука в целом и содержащего информацию по 134 глаголам шума и 137 другим глаголам. Данные Муране преобразованы в формат, используемый автором, и сопоставлены с данными по глаголам шума. На основании этого сопоставления А. Урдзе выявляет достаточно заметные различия по частотности конкретных значений для разных параметров у группы глаголов шума и прочих глаголов с семантикой звукопроизводства. Так, частотность звука от

удара (самая частотная ситуация звучания), обнаруженная для глаголов шума, как показывает сравнение, не является отличительной особенностью этой группы. Напротив, например, звук при ломании, как выясняется, может быть выражен только глаголами этой группы, звук при трении примерно в два раза чаще выражается глаголами шума, чем другими глаголами, низкая частотность звука при течении (упоминавшаяся выше) оказывается характерной для глаголов шума, но не прочих глаголов. Типичными источниками звука для глаголов шума оказываются *металл, жидкость, стекло*, а для прочих глаголов – *устройства, инструменты, текущая вода*. Автор противопоставляет значения «жидкость» и «текущая вода» (объекты типа *река, ручей* и т. п.): последний тип источника связан как раз с ситуацией звука при течении и выражается исключительно глаголами не шума. Частотным для глаголов шума, но не прочих глаголов звука, оказывается *резкий звук*. Вообще не выражается глаголами шума, будучи при этом достаточно частотным значением для прочих глаголов звука, *равномерный звук*. Таким образом, автор приходит к выводу, что, хотя выявить очевидный инвариант значения для глаголов шума не удастся, детальные численные данные по частотности тех или иных семантических характеристик показывают заметное различие между группой глаголов шума и прочих глаголов звука. Несколько странным кажется, что в сопоставительные данные по частотности автор на равных основаниях включает данные по основным значениям и по очевидно переносным стилистически окрашенным употреблением (так, вторым по частотности оказывается для глаголов шума, по данным А. Урдзе, *звук речи*, при том что в той же главе автор показывает, что значение речевых звуков для глаголов шума является преимущественно переносным). Возможно, более показательными оказались бы данные без учета переносных значений. Также полезной была бы, как нам кажется, более глубокая статистическая обработка данных, которая позволила бы как проверить, насколько значимы обнаруженные автором различия по частотности так и, возможно, обнаружить дополнительные, менее очевидные закономерности.

Отдельный раздел главы 5 (5.3) посвящен моделям полисемии глаголов шума. Автор приводит численные данные по переносным значениям глаголов шума, позволяющие сформулировать общую тенденцию к «перемещению вверх по шкале одушевленности» при переносе значения у глаголов шума. Так, достаточно частотными оказываются переносы *звук предмета → вокализация человека*,

вокализация животного → вокализация человека, но не наоборот. Показательными являются данные о полном отсутствии переносов *вокализация человека → звук предмета*. Эта тенденция, отмеченная А. Урдзе для латышского, видимо, может претендовать на более универсальный статус, ср., например, подробный анализ русского материала и некоторые типологические данные по переносам *вокализация животного → вокализация человека* в [Рахилина 2010].

Небольшие главы 6 и 7 содержат отдельные замечания по синтаксическому поведению глаголов шума (глава 6) и краткое обсуждение организации семантической зоны глаголов звукоизвлечения в генетически и ареально близком латышскому литовском языке и ареально близком ему эстонском (глава 7).

Чуть меньше половины книги составляет приложение, представляющее собой собранный автором словарь глаголов шума. Словарь организован по словообразовательным гнездам (в алфавитном порядке). В установленном порядке для каждого словообразовательного гнезда следуют словарные статьи для производного глагола, производных глаголов, неглагольных дериватов. Словарная статья содержит краткий перевод на немецкий язык (взятый из двуязычного словаря), список синонимов (взятый из словаря синонимов), определение (из толкового словаря латышского языка), примеры (в основном из толкового словаря, реже примеры из художественной литературы, найденные автором; примерами снабжены не все статьи). Таким образом, словарь представляет собой (как и указывает автор) скорее структурированный массив исходных данных, результаты обработки которого представлены в книге, нежели отдельный лексикографический труд. Естественным продолжением начатой автором работы могло бы стать преобразование его в отдельный полноценный словарь с уточненными единообразными толкованиями (по результатам семантического анализа, представленного в главе 5), унифицированным описанием значения дериватов (по результатам исследования деривационных возможностей глаголов шума, представленного в главе 4) и большим количеством примеров (из собранного автором корпуса).

В целом следует еще раз отметить редкое сочетание в работе чрезвычайно глубокого погружения в достаточно частную проблематику, дающего очень интересные результаты, с отчетливой установкой на более широкий лингвистический контекст, которая находит отражение как в способе подачи данных (книга рассчитана не только на узкого специалиста по балтийским языкам), так и в содержательном

аспекте (что следует уже из названия работы «Идеофоны в Европе», оказывающегося несколько шире реально рассматриваемого в книге материала).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кронгауз 1998 – *М.А. Кронгауз*. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.
- Майсак, Рахилина 2004 – *Т.А. Майсак, Е.В. Рахилина* (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М., 2004.
- Муране 1998 – *С. Муране*. Лексика русского и латышского языков в аспекте сопоставительной семасиологии (на материале глаголов звучания). Daugavpils, 1998.
- Падучева 1998 – *Е.В. Падучева*. Парадигма регулярной многозначности глаголов звука // ВЯ. 1998. № 5.
- Рахилина 2010 – *Е.В. Рахилина*. Звуки Му // Проблемы грамматики и типологии. Сборник статей памяти В.П. Недялкова. М., 2010.
- Evans 2010 – *N. Evans*. Semantic typology // J. Song (ed.). The handbook of linguistic typology. Oxford, 2010.
- Lehmann 2004 – *Ch. Lehmann*. Zur sprachlicher Kategorisierung von Schällen. Vortrag auf der Jahrestagung der Koreanischen Gesellschaft für Deutsche Sprachwissenschaft. Pusan, 2004.
- Levin et al. 1997 – *B. Levin, G. Song, B.T.S. Atkins*. Making sense of corpus data: A case study of verbs of sound // International journal of corpus linguistics. 1997. V. 2. № 1.
- Majid et al. 2008 – *A. Majid, J.S. Boster, M. Bowerman*. The cross-linguistic categorization of everyday events: A study of cutting and breaking // Cognition. 2008. 109/2.
- Stolz et al. 2006 – *T. Stolz, C. Stroh, A. Urdze*. On comitatives and related categories: a typological study with special focus on the languages of Europe. Berlin, 2006.
- Vanhove 2008 – *M. Vanhove*. From polysemy to semantic change: towards a typology of lexical semantic associations. Amsterdam, 2008.
- Wierzbicka 2007 – *A. Wierzbicka*. Bodies and their parts: An NSM approach to semantic typology // Language sciences. 2007. 29.

Н.М. Стойнова

Сведения об авторе:

Наталья Марковна Стойнова
МГУ им. М.В. Ломоносова
ashl@yandex.ru